

ошибки и неточности, связанные с оперированием единицами, полагающимися в зонах риска, обнаруживаются обычно в нарушениях норм лексической сочетаемости.

Современные психолингвистические исследования показали, что операции по выбору наименования связаны с особенностями речемыслительных механизмов левого и правого полушарий головного мозга. Если для правого полушария характерны операции с элементами ядра ассоциативного поля на основе грубых дифференциальных признаков, то тонкие механизмы левого полушария связаны с выбором точных наименований.

А. П. Чудинов

Уральский государственный педагогический университет

РИТОРИЧЕСКИЕ ФИГУРЫ В ИДИОСТИЛЕ И. В. СТАЛИНА

Язык тоталитарного общества в последние годы все чаще привлекает внимание языковедов (А. Вержбицка, Ж. Желев, А. Н. Баранов, Н. А. Купина, Г. Г. Почепцов и др.), однако язык И. В. Сталина уже давно не был предметом специального лингвистического рассмотрения. Между тем И. В. Сталин, несомненно, был мастером слова: иначе он бы попросту не смог стать одним из лидеров революционного движения в России, не смог бы одержать победы в острой фракционной борьбе двадцатых годов (позднее риторическое мастерство ему было менее необходимо).

Публичные выступления И. В. Сталина чаще всего построены по всем правилам ораторского искусства: хорошо подобранный материал, выверенная композиция речи, ясность и точность языка, оправданное использование фигур и тропов. Одна из самых любимых риторических фигур Сталина — антитеза, многие выступления большевистского лидера целиком построены на развернутом противопоставлении, причем оратор прекрасно умеет уходить от деталей (особенно от невыгодных для него), затеняющих основную мысль, мир в его речах предстает подчеркнуто полярным. Примером такого построения может служить речь на заседании Бакинского совета, посвященная трехлетию Октябрьской революции: выступление целиком построено на развертывании трех антитез: первая из них — это противопоставление *«тогда»*, в 1917 году, когда в руках «маленькой», «еще не сколоченной» партии был «только Петроградский совет», «только маленькая гвардия петроградских рабочих», и *«сейчас»*, в 1920 году, когда «сколоченная из стали партия в 700 тысяч членов» управляет «шестой частью суши», руководит «многомиллионной Красной Армией». Вторая антитеза, на которой строится выступление — это *«как у нас»* (власть трудящихся, дружба

между народами, единство) и «как у них» (власть капиталистов, вражда между народами и государствами). Наконец, в заключительной части речи удачно используется третья антитеза, которая сопоставляет «настоящий момент» и «светлое будущее», которое ждет весь мир под руководством большевиков. Не менее удачно используется антитеза и во многих других выступлениях.

Видимо, одно из самых слабых мест сталинской риторики — метафора. Большевистский лидер слишком злоупотребляет развернутыми образами в духе «кавказских тостов». Ср.: *Ленин... не просто один из руководителей, а руководитель высшего типа, горный орел, не знающий страха в борьбе* («О Ленине»); *Громадным утесом стоит наша страна, окруженная океаном буржуазных государств. Волны за волнами катятся на нее, грозя затопить и размыть. А утес все держится непоколебимо* («По поводу смерти Ленина»).

Еще один источник метафор-штампов — разговорная речь и просторечие, большевистский жаргон, особенно часто встречающиеся в речи будущего вождя в десятилетиях двадцатых годах. Ср.: *Корниловский выкидыш, предпарламент, призванный прикрыть своей болтливой мобилизующейся контрреволюцию* («Штрейкбрехеры революции»); *Денижки Керенского, перепуганные неврастеники из «Новой жизни» разразились воззванием...* («Троцкизм или ленинизм»).

Типичная черта сталинского идиостиля — грубость, площадная брань в адрес политических противников, причем самые грубые оскорбления чаще всего используются И. В. Сталиным не по отношению к «помещикам и капиталистам», а при характеристике своих бывших союзников по революционной борьбе (меньшевиков, эсеров) и особенно при характеристике оппозиционеров внутри партии (троцкистов, бухаринцев и т.п.). Создается впечатление, что это сознательное разжигание ненависти применяется именно при отсутствии серьезных аргументов: враждебность «классовых врагов» как бы подразумевалась «сама собой», предполагалось, что массы уже достаточно натравлены на «эксплуататоров» и нет смысла усиливать их ярость, тогда как враждебность народу традиционных социалистических партий и даже членов большевистской партии доказать было значительно труднее.

А. Л. Шрандин

Тамбовский государственный университет

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ РАЗРЯДЫ И ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ РУССКОГО ГЛАГОЛА

Роль языковых классификаций в настоящее время оценивается неоднозначно, в частности как промежуточный, а не конечный ре-